

Мои двадцать пять дней / рассказ

Category: Некаýалар, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Мои двадцать пять дней / рассказ МОИ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ДНЕЙ

Я устраивался в отведенном мне номере гостиницы, узкой клетке с тонкими, как бумага, стенками, сквозь которые слышно все, что делается у соседей. Убирая платье и белье в зеркальный шкаф, я выдвинул средний ящик и увидел свернутую в трубку тетрадь. Расправив ее, я прочел:

МОИ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ДНЕЙ

Это был дневник, забытый при отъезде последним обитателем комнатки, лечившимся ваннами.

Заметки эти представляют, быть может, известный интерес для здоровых и благоразумных людей, которые никогда и никуда не ездят. Для них-то я и привожу здесь этот дневник, решительно ничего в нем не меняя.

Шатель-Гюйон, 15 июля

На первый взгляд это не очень-то веселое место. А ведь мне придется провести тут двадцать пять дней, чтобы полечить печень, желудок и немного похудеть. Двадцать пять дней на водах напоминают двадцать восемь дней резервиста; они утомительны, очень утомительны. Сегодня я еще ни к чему не приступал, а только осматривался, знакомился с местностью и с врачом. Главное в Шатель-Гюйоне – ручей с желтоватой водой: он течет между небольшими холмами, на которых высятся дома, курзал и каменные кресты.

На берегу ручья, в глубине долины, виднеется четырехугольное здание с небольшим садом. Это ванное заведение. Вокруг здания бродят унылые люди: это больные. В тенистых аллеях царит полная тишина: ведь здесь не место развлечений, сюда приезжают поправлять здоровье; здесь лечатся с твердой верой в успех и,

возможно, выздоравливают.

Сведущие люди утверждают даже, что здешние минеральные источники творят чудеса. Однако у конторки кассира не висит никаких *ex voto* [1].

Время от времени к киоску с шиферной крышей подходит господин или дама; поблизости стоит женщина с приятным улыбающимся лицом; в цементном бассейне бурлит источник. Больной и хранительница целебной воды не обмениваются ни единым словом. Она протягивает подошедшему стаканчик, где в прозрачной влаге шипят пузырьки газа. Больной пьет и затем неторопливо удаляется, продолжая прерванную прогулку под деревьями.

Как тихо в этом маленьком парке! Не слышно ни шелеста ветерка в листве, ни человеческого голоса. Стоило бы написать у входа: «Здесь не смеются, здесь только лечатся».

Разговаривающие так боятся, чтобы у них не вырвалось громкое слово, что похожи на немых, которые только безмолвно открывают рты.

В гостинице та же тишина. Это большой отель, где за обедом сохраняют важность, подобающую благовоспитанным людям, которым не о чем говорить друг с другом. У всех светские манеры, а лица выражают уверенность в собственном превосходстве, хотя кое-кому доказать его было бы, пожалуй, трудновато.

В два часа я поднялся к казино – деревянному домику, расположенному на вершине небольшой горы, куда карабкаются по козьим тропам. Но вид оттуда изумительный.

Шатель-Гюйон лежит в очень узкой долине, как раз между равниной и горами. Слева я увидел первые высокие уступы овернских гор, покрытых лесом; местами бросаются в глаза большие серые пятна: это твердый лавовый костяк – ведь мы у подножия потухших вулканов. Справа, через узкую расщелину долины, я вижу беспредельную, как море, равнину; она тонет в голубоватой дымке, сквозь которую еле проступают очертания сел, городов, желтеющие поля спелого хлеба и зеленые прямоугольники лугов, осененных тенью яблонь. Это Лимань, необъятная и ровная, всегда окутанная легким покровом тумана. Наступил вечер. Поужинав в одиночестве, я пишу эти строки у открытого окна. Слышно, как напротив меня играет небольшой

оркестр казино, словно птица-глупыш, которая может петь даже одна, даже в пустыне.

Время от времени лает собака. Глубокая тишина действует благотворно. Спокойной ночи!

16 июля. Ничего нового. Принял ванну, затем душ. Выпил три стакана воды; между первыми двумя с четверть часа гулял по аллеям парка, а после третьего – полчаса. Этим начались мои двадцатипятидневные пруды.

17 июля. Видел двух загадочных хорошеньких дам, которые принимают ванны и обедают отдельно, после всех.

18 июля. Ничего нового,

19 июля. Снова видел хорошеньких дам. В них есть шик и еще нечто неуловимое; они мне очень нравятся.

20 июля. Продолжительная прогулка в прелестную лесистую долину до домика Сан-Суси. Это очаровательная местность, несколько грустная, но тихая, мирная и очень зеленая. На горных дорогах попадаются навстречу узкие повозки с сеном, их медленно тащит, едва сдерживая на спусках, пара быков в одном ярме. Мужчина в большой черной шляпе погоняет их тонкой палочкой; он прикасается ею то к бокам, то ко лбу животных и часто простым жестом, спокойным, но энергичным, внезапно останавливает их, когда, спускаясь по крутой дороге, они под тяжестью поклажи начинают ускорять шаг.

Легко дышится в этих долинах! Когда очень жарко, пыль слегка пахнет ванилью и хлебом: столько коров проходит по этим дорогам, что от них всюду остаются следы. И этот запах – словно благоухание, тогда как после других животных он был бы просто вонью.

21 июля. Экскурсия в долину Анваль. Это узкое ущелье между величественными утесами у самого подножия гор. Посреди нагромождения скал струится ручей.

Забравшись в глубь этого ущелья, я услышал женские голоса и вскоре заметил незнакомок из нашего отеля, болтавших, сидя на камне.

Случай показался мне удобным, и я, не долго думая, представился. Моя попытка завязать разговор была принята без всякого смущения. Обратно мы шли вместе и вспоминали Париж.

Оказывается, у нас много общих знакомых. Кто же такие эти дамы?

Завтра я снова увижусь с ними. Нет ничего увлекательнее таких встреч!

22 июля. Почти весь день провел с дамами. Они, право, очень красивы, одна – блондинка, другая – брюнетка. По их словам, они вдовы. Гм?..

Предложил им съездить завтра в Ройя, они согласились.

Шатель-Гюйон не так скучен, как мне показалось по приезде.

23 июля. День провели в Ройя. Это группа отелей, разбросанных в глубине долины, недалеко от Клермон-Феррана. Множество народу, большой оживленный парк. Прекрасный вид на Пюи-де-Дом, возвышающийся вдалеке, за долинами.

Мои спутницы обращали на себя всеобщее внимание, что льстило моему самолюбию. Мужчина, сопровождающий хорошенькую женщину, всегда чувствует себя словно окруженным ореолом, а тем более, если он в обществе двух красивых женщин. Что может быть приятнее обеда в многолюдном ресторане со спутницей, которая становится центром общего внимания! Ничто так не возвышает мужчину во мнении соседей.

Кататься в Булонском лесу на кляче или выйти на бульвар в обществе дурнушки – вот два наибольших унижения, глубоко задевающих чувствительное сердце, равнодушное к тому, что думают другие. Из всех видов роскоши женщина – самый редкостный, самый изысканный, самый дорогой и самый для нас желанный; мы любим выставлять его напоказ перед завистливыми взорами публики.

Когда появляешься на людях под руку с красивой женщиной, сразу же возбуждаешь всеобщую зависть и как бы говоришь: «Смотрите, я богат, раз обладаю таким редким и дорогим созданием, у меня есть вкус, раз я сумел найти такую жемчужину; быть может, я даже любим, если только она меня не обманывает, но и это доказывало бы лишь, что она прелестна и во мнении других».

Но какой позор – гулять по городу с некрасивой женщиной!

И сколько насмешек!

Как правило, ее принимают за вашу жену, ибо мыслимо ли допустить, что у вас уродливая любовница. Жена может быть

дурна собой, но в таком случае ее невзрачность вызывает целый ряд обидных для вас мыслей. Прежде всего вас принимают за нотариуса или судью, ибо за лицами этих профессий признана монополия на безобразных, но богатых жен. Разве это не унижительно для мужчины? Кроме того, вы как бы сами публично признаетесь, что у вас хватает незавидной смелости ласкать такое непривлекательное лицо и неуклюжее тело, что это даже является вашей обязанностью и у вас достанет бесстыдства сделать матерью подобное существо, вряд ли способное вызывать желание. Разве это не верх смешного?

24 июля. Я больше не расстаюсь с обеими вдовушками, с которыми уже подружился. Здешние места чудесны, отель отличный. Прекрасная погода. Лечение мне очень помогает.

25 июля. Поездка в ландо к озеру Тазена. Чудесная и неожиданная прогулка; мы сговорились о ней, сидя за завтраком. Выйдя из-за стола, мы сразу же укатили. После длинного подъема в горы мы увидели на месте бывшего кратера восхитительное маленькое озеро, круглое, синее, прозрачное, как стекло. Один край этой огромной чаши – голый, другой порос лесом. Между деревьями – домик: там живет один любезный и умный человек, философ, проводящий свои дни в этом вергилиевском уголке. Он приглашает нас к себе, но мне приходит в голову блестящая идея. Я предлагаю:

– Не выкупаться ли нам?

– Но... – отвечают мне, – а костюмы?

– Ба! Мы одни!

И мы купаемся!..

Будь я поэтом, как описал бы я это незабываемое зрелище – молодые обнаженные тела в прозрачной воде! Неподвижное озеро, круглое и блестящее, точно серебряная монета, лежит между крутыми, высокими берегами; солнце щедро льет яркие лучи. Вода настолько прозрачна, что белые тела, скользя вдоль утесов, кажутся парящими в воздухе. Даже видны их движущиеся тени на песчаном дне.

26 июля. Кое-кто, видимо, шокирован и недоволен моим близким знакомством со вдовушками..

Есть люди, воображающие, что цель жизни – томиться скукой;

любое развлечение они немедленно сочтут погрешностью против хорошего тона и нравственности. Правила долга в их понимании нерушимы и смертельно скучны.

Я позволю себе заметить, что представление о долге у мормонов, арабов, зулусов, турок, англичан и французов различно, но, тем не менее, среди всех этих народов встречаются вполне порядочные люди.

Приведу лишь один пример. Что касается женщин, то у англичанки понятие о долге должно сложиться уже к десяти годам, а у француженки – только к пятнадцати. Ну, а я лично заимствую правила долга понемножку у всех народов и объединяю их в нечто единое, подобное морали царя Соломона.

27 июля. Хорошие новости. Похудел на шестьсот двадцать граммов. Эта шатель-гюйонская вода просто замечательна! Возил вдовушек обедать в Риом. Грустный городок, анаграмма которого образует слово, малоподходящее для целебных источников: Riom – Mori [2].

28 июля. Вот те на! За вдовушками приехало двое мужчин. Два вдовца, должно быть... Дамы уезжают сегодня вечером и прислали мне записочку.

29 июля. Я один! Долгая прогулка пешком к подножию кратера Нашер. Великолепный вид.

30 июля. Ничего нового. Лечусь.

31 июля. То же. То же. То же.

В этих красивых местах масса зловонных канав. Указал нерадивому городскому управлению на отвратительную клоаку прямо напротив большого отеля, которая отравляет воздух. Туда сваливают все отбросы из кухни. Настоящий очаг холеры.

1 августа. Ничего нового. Лечусь.

2 августа. Чудесная прогулка в Шатонеф, курорт для ревматиков, где все хромают. Презабавно: чуть ли не все население на костылях!

3 августа. Ничего нового. Лечусь.

4 августа. То же. То же.

5 августа. То же. То же.

6 августа. Я в отчаянии!.. Только что взвешивался. Прибавил в весе триста десять граммов. Что же это такое!

7 августа. Шестьдесят шесть километров в экипаже по горам. Не скажу куда, из уважения к тамошним женщинам.

Мне посоветовали сделать эту прогулку, так как эти места красивы и их редко посещают. После четырех часов езды я попал в довольно живописную деревню, расположенную на берегу речки, посреди чудесной ореховой рощи. Такой большой я еще не видал в Оверни.

Роща эта представляет собою богатство здешних мест, так как посажена на общинной земле. Когда-то эта земля была просто склоном холма, поросшим кустами. Местные власти безуспешно пытались ее возделывать, и она еле могла прокормить нескольких овец.

Теперь это роскошный лес, и все благодаря женщинам. Он носит странное название: «Лес грешниц».

Надо сказать, что женщины гор известны свободными нравами, более свободными, чем у женщин равнины. Парень, повстречавшийся им, должен их по меньшей мере поцеловать, и если он ограничивается только этим, он просто дурак.

Строго говоря, такой взгляд на вещи единственно логичен и разумен. Поскольку естественное призвание женщины в городе и в деревне – пленять мужчину, то мужчина должен все время доказывать ей, что она ему нравится. Если же он воздерживается и ничем не проявляет своего влечения, значит, он считает ее безобразной, а это оскорбительно. Будь я женщиной, я не принял бы вторично мужчину, проявившего слишком большую почтительность при первой встрече; мне больше понравилось бы, если он, пораженный моей красотой, моим обаянием, моими женскими чарами, забыл бы проявить почтительность.

Так вот, парни из деревни X. частенько доказывали своим землячкам, что те вполне в их вкусе, и местный кюре, бессильный помешать этим любезным и вполне естественным знакам внимания, решил использовать их для общего блага. Он накладывал на каждую грешницу епитимью: ей надлежало посадить одно ореховое дерево на общинной земле. И вот по ночам на холме, точно блуждающие огоньки, двигались фонари, ибо согрешившим вовсе не хотелось приносить покаяние среди бела дня.

Через два года на участке, принадлежащем общине, не осталось уже ни одного свободного местечка. И сейчас вокруг колокольни, звон которой раздается в роще, насчитывается свыше трех тысяч великолепных деревьев.

Если во Франции изыскивают способы вновь насадить леса, отчего бы лесному ведомству не войти в соглашение с духовенством, чтобы применить простое средство, придуманное этим скромным кюре?

8 августа. Лечусь.

9 августа. Уложил вещи и прощаюсь с этим прелестным, тихим, молчаливым уголком, с его зелеными горами и мирными долинами, с пустующим казино, откуда видна обширная равнина Лимани, всегда окутанная легкой голубоватой дымкой.

Завтра утром я уезжаю.

На этом рукопись обрывалась. Не стану ничего добавлять, ибо мои впечатления от здешних мест не совсем совпадали с впечатлениями моего предшественника. Но ведь я не встретил здесь двух вдовушек!

* * *

[1] По обету (лат.) – предмет, который верующие вешают в католической церкви в знак полученной свыше милости.

[2] Mori – умереть (лат.)

Напечатано в «Жиль Блас» 25 августа 1885 года. Подобно «Тику», новелла, возможно, входит в круг «Монт-Ориоля».

Вергилиевский уголок. – В «Буколиках», собрании эклог древнеримского поэта Вергилия (70 – 19 до н.э.), воспевалась природа, благостная покровительница человеческой любви.

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10. Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958

Перевод Валентина Дмитриева Neкаýalar